

ПЕРЕСТРОЙКА И КРУШЕНИЕ СССР В МЕЖДИСЦИПЛИНАРНО-СИНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ВЕРСИИ

Бакланов Вячеслав Иванович

*К.и.н., доцент, Финансовый университет при
Правительстве РФ
VIBaklanov@fa.ru*

PERESTROIKA AND THE COLLAPSE OF THE USSR IN AN INTERDISCIPLINARY- SYNERGETIC VERSION

V. Baklanov

Summary: The article is devoted to the fateful period of Perestroika for the USSR (1985-1991) and the analysis of its contradictory policies. In the first part of the study, the author, relying on the works of the humanities and natural sciences, offers a research program of the article, written conceptually concisely and strictly in an interdisciplinary manner. The second part of the work has already been prepared in historical and narrative discourse and already reveals the problem field of the topic under study, which was started in the first part.

The purpose of the article is to analyze and reveal the fundamental causes and consequences during which the Soviet communist project and the multinational Soviet Union eventually collapsed. The methodology of the article was an interdisciplinary approach.

The scientific novelty of the article is, firstly, the heuristic unification of the two parts of the work (conceptual and narrative), and secondly, the extensive use of synergetic methods and developments of scientists from different fields of science in order to reveal the subject of research, the purpose of the work as much as possible in many ways and to fulfill all the tasks set.

The results of the work: The Communist-Soviet system was put into a state of shock, and then became uncontrollable by hasty and ill-conceived measures of the reformers of Perestroika from above. The uncontrollability of the system was the result of a change in the composition of the key structural parameters responsible for its viability. When the process of updating and "accelerating" Perestroika ended in failure, Gorbachev and his team chose extremely unsuccessful methods of treating the "sick" USSR, introduces the market. However, the introduction of market mechanisms caused a chain reaction of destruction of the Soviet planning and state system. A particularly negative role in the collapse of the social model of socialism was the undermining of the monopoly on power of the CPSU - the backbone of the state. All this facilitated the seizure of power by those who were eager to convert power into property and become a full-fledged capitalist class.

Conclusions: The irony of the story was that the perestroika policy turned out to be an absolute failure, from the point of view of its original goals (democratic socialism), but it turned out to be logical and effective in terms of the transition to capitalism.

Keywords: synergetics, uncontrollability, perestroika, democratic socialism, party nomenclature, cooperatives, liberals, anti-communism, capitalism.

Аннотация: Статья посвящена судьбоносному для СССР периоду Перестройки (1985-1991) и анализу ее противоречивой политике. В первой части исследования автор, опираясь на работы гуманитарных и естественно-математических наук, предлагает исследовательскую программу статьи, написанную концептуально сжато и строго в междисциплинарном ключе. Вторая часть работы подготовлена уже в историко-повествовательном дискурсе и уже объемно раскрывает проблемное поле исследуемой темы, начатой в первой части.

Целью статьи является анализ и раскрытие фундаментальных причин и последствий, в ходе которых в итоге обрушился советский коммунистический проект и многонациональный Советский Союз. Методологией статьи послужили междисциплинарный подход.

Научная новизна статьи заключается, во-первых, эвристическом объединении двух частей работы (концептуальной и повествовательной), во-вторых, широком использовании синергетических методов и наработок ученых из разных областей науки с целью как можно более многогранно раскрыть предмет исследования, цель работы и выполнить все поставленные задачи. Результаты работы: Коммунистическо-советская система была введена в шоковое состояние, а затем стала неуправляемой торопливыми и непродуманными мерами реформаторов Перестройки сверху. Неуправляемость системы стала следствием смены состава ключевых структурных параметров, отвечавших за ее жизнеспособность. Когда процесс обновления и «ускорения» Перестройки закончился провалом, Горбачев и его команда выбрали крайне неудачные методы лечения «больного» СССР, вводит рынок. Однако ввод рыночных механизмов вызвал цепную реакцию разрушения советской плано-государственной системы. Особо негативную роль в крахе общественной модели социализма стал подрыв монополии на власть КПСС - стержня государства. Все это облегчило захват власти теми, кто жаждал конвертировать власть в собственность и стать полноценным капиталистическим классом.

Выводы: Ирония истории состояла в том, что политика перестройки оказалась абсолютно провальной, с точки зрения ее первоначальных целей (демократический социализм), но оказалась логичной и результативной в плане перехода к капитализму.

Ключевые слова: синергетика, неуправляемость, перестройка, демократический социализм, партноменклатура, кооперативы, либералы, антикоммунизм, капитализм.

Часть I. Концептуально-синергетическая преамбула исследования Перестройки

Исследовательская программа статьи и объяснительное моделирование сложнейшего и невероятно плотного по событиям, крайне насыщенного кризисными явлениями исторического периода Перестройки 1985-1991 гг. исходит из синтеза диалектического и синергетического методов, с обязательным включением сюда междисциплинарности. Синергетика вкупе с междисциплинарностью, по мнению автора, является наиболее адекватной стратегией любого исследования сложных социальных систем, особенно в период его острых кризисов, трансформаций, таких, как Перестройка в СССР. Усилим сказанное. Как показывают многочисленные междисциплинарные исследования последних десятилетий, в рамках синергетики, следует принять за аксиому, что любое крупное общество развивается нелинейно, многовариантно, в зависимости от принятых управленческих решений, прерывисто, зигзагообразно и скачкообразно. Причем скачкообразные флуктуации могут иметь как социально прогрессивный характер, так и регрессивный (случай с концом великолепной эпохи итальянского Возрождения). Часто прогресс в одних областях (отказ от античного рабства) сопровождается с регрессом в других (тот же катастрофический переход от высокой античности к темным векам Средневековья). Все это доказывает, что все социальные системы, по сути, нестационарны. А, по словам физика Сергея Курдюмова, стационарные структуры самоорганизации, являются, строго говоря, тупиками эволюции [1, С.73]. И потому для всех эволюционирующих общественных систем больше подходит термин- «динамическая устойчивость» [1, С.73]. Такое состояние общества, особенно в период его реформирования позволяет лучше выявить границы, когда динамическая устойчивость общества, его некий структурный порядок теряется, рушится и переходит в состояние неуправляемого хаоса. Как это случилось с советским государством-обществом в последние годы Перестройки.

Второй момент. Как свидетельствуют работы выдающихся синергетиков (Н. Моисеев, И. Пригожин, Г. Хакен и т.д.) сложность целенаправленного реформирования общества заключается в том, что, когда мы трансформируем уже довольно устойчивую систему (как например позднесоветское общество), то она, меняясь, поднимается на другой уровень, при этом сохраняя как старые черты, так и приобретая новые. В свою очередь, реформируемая система, во многом зависит от действия новых факторов, порожденных уже произошедшими изменениями. Что это значит? Значит, в разы вырастает неопределенность, непредсказуемость и всевозможные риски. Управлять уже измененными системами становится крайне сложно. Но риски, с точки зрения философа В. Лекторского, можно и нужно контролировать [2, С.86].

Только так можно сохранить устойчивость все время изменяющейся системы, дабы не впасть в хаос и не разрушить ее целостность.

Дополнительную сложность для управления системой и, собственно, для понимания многих общественных процессов, создают системы ценностей присущих каждому обществу. По словам Ильи Пригожина, «системы ценностей постоянно сталкиваются с дестабилизирующим эффектом флуктуации, производимом самой социальной системой, что позволяет характеризовать процесс в целом с помощью понятий необратимости и непредсказуемости» [3, С.52]. Резкие перемены в обществе, когда возникают новые социально-экономические уклады, всегда ведут и к сменам идеологий и ценностных ориентиров. В свою очередь, с точки зрения известного социолога Рэнделла Коллинза, государственный распад и смена режима тесно связаны с государственной идеологией. По его мнению, важное место в объяснении государственного распада СССР сыграла именно делегитимация коммунистической идеологии. Причем в его объяснении распада причины и следствия меняясь местами, взаимно обуславливают друг друга. Сначала падает престиж государства и режима в целом, а это приводит к подрыву коммунистической идеологии. Затем делегитимация господствующей коммунистической идеологии готовит почву для появления и укрепления антикоммунистической и прокапиталистической идеологии [4, С.117-120]. А они в свою очередь, крайне разрушительно влияют на подрыв всего государства. Что наглядно и продемонстрировала Перестройка в последние годы существования СССР.

Гению Леонардо да Винчи принадлежит фраза, крайне уместная в наших рассуждениях о судьбе Перестройки: «Все работает не так, как сконструировано, а так, как организовано». Что означает, что в условиях даже радикальных преобразований, никогда не следует доводить, до ситуации, когда организация теряет свои существенные параметры упорядоченности. Ведь организованность, по словам исследователя Г. Малинецкого, ведет к некой упорядоченности системы [5, С.102]. Потеря контроля над страной и базовых параметров организованности системы- вот что явилось на наш взгляд, ключевыми ошибками советских перестройщиков в реформировании страны в 1985- 1991 гг. Отсюда, не было никакой запрограммированной неизбежности в срыве коммунистическо-советского проекта и распаде СССР. История реформируемого СССР в те годы могла пойти по любому другому сценарию. Однако она пошла по известной нам исторической развилке, которая стала результатом множества факторов. Такие как идеализм и недалекость Горбачева, роковые экономические просчеты правительства, политический просчет с департизацией государственных органов власти, деструктивная роль Ельцина и других руководителей национальных респу-

блик и многое другое. Собственно, историко-повествовательная версия исследования Перестройки в следующей части работы.

Часть II. Нужна ли была перестройка?

Прежде чем ответить на это вопрос, следует кратко определить коммунистическо-советский проект. Автор, целиком разделяет точку зрения философа А.В. Багатуряна на природу и сущность советского «реального социализма». А именно; «ни по одному из основных критериев- форма собственности, способ распределения, классовая структура, политическая надстройка – «реальный социализм» не был первой фазой коммунистического общества. Это была новая форма общества, с элементами социализма и вектором развития в направлении подлинного социалистического общества» [6, С.208].

При этом советская модель развития, даже несмотря на все ее недостатки, выглядела в глазах окружающего мира довольно успешной. СССР динамично развивался в рамках индустриальной модернизации вплоть до конца 60-х годов. Только на рубеже 60-70-х, с вступлением СССР в фазу позднеиндустриального развития, «стало обнаруживать себя противоречие между общинно-патерналистскими социальными институтами советского государства и появившемся в результате модернизации грамотным человеком с секуляризованным сознанием, рациональным мышлением и поведением» [7, С.539]. Новые индивидуальные ценности городской жизни, с ее стремлением к большей свободе и самовыражению вступали в конфликт с жестким контролем со стороны бюрократизированных форм партийно-государственных институтов, с омертвелой и далекой от реальной жизни- идеологией. Замедление темпов роста экономики, хуже того, расцвет явно несоветских, несоциалистических форм и отношений, пришелся на то время, которое затем во многом справедливо назовут «эпохой застоя».

Сам же социализм, по мнению И.Ф. Кононова, все больше «превращался в ритуальную фразу, которая прикрывала ее обуржуазивание» [8, С.23]. «Партийногосударственная номенклатура к 1980-м замкнулась в своеобразную касту, где царили корпоративные интересы. Возникали злокачественные социальные образования, объединявшие партийных работников, цеховиков и торговых работников. На уровне народа было осознано отчуждение от принятия решений, как на уровне страны, так и на уровне конкретного предприятия, так что сильных стимулов для развития экономики у работников тоже не было» [8, С.23]. Причем все это происходило в условиях, когда идеолого-пропагандистская машина, извергая на граждан «водопады» правильных слов, норм, принципов жизни, все время создавала своим гражданам иллюзию сказочно прекрасной жизни. Вот только

эта глянцевая картинка плохо сочеталась с реальными несуразностями страны «развитого социализма»: приписками, блатом, теневиками, дефицитом, национализмом и т.д. По словам экономиста А. Бузгалина, «мелко-буржуазный конформизм- уже в 1970-е гг. победил в советском человеке социального творца, что стало массовой социальной базой для трансформации новой генерации номенклатуры из патерналистской в про-буржуазную. Социальные основы для ухода социалистического тренда с исторической арены сложились» [9, С.64]. Усиление явно буржуазной тенденции в обществе в то время конечно официально не признавалось. Этому мешало и служебно-подчиненная роль общественных наук и злобный догматизм партийных функционеров.

Зато кризис «реального социализма» был налицо. Он в точности соответствовал классическому марксистскому противоречию, между передовыми производительными силами, созданными современной научно-технической и информационной революцией, и старыми производственными отношениями «реального социализма» [6, С.208]. Но кризис системы, даже если это структурный кризис, это отнюдь не обрекает саму систему на мгновенное уничтожение. Ее гибель случилось именно в ходе реформ, которые по замыслу реформаторов должны переломить негативные тенденции и усилить коммунистическую линию.

Субъективный фактор и цели перестройки

Парадоксально, но факт, что советский коммунистический проект, достигнув своего максимума мощи и влияния в начале 80-х годов, неожиданно для всех позорно развалился, причем в ходе самых глубоких реформ перестройки, которая должна была по замыслу ее архитекторов еще больше усилить СССР и расширить его влияние в мире. Как и почему это произошло? Для начала отбросим, как явно неверифицируемые игры конспирологов «теории заговора» самого Горбачева.

По мнению философа Андрея Ашкерова, перестройка началась с вопроса: «То ли общество мы построили?» [10, С.235]. Тут имелось в виду явная отсылка к неожиданно ранее оброненной фразе Юрия Андропова: «Мы недостаточно хорошо знаем общество, в котором живем». Эта фраза умудренного опытом умного государственника, многолетнего руководителя КГБ дорогого стоит. Она образно и ярко обнажила огромное несоответствие между канонизированной версией доктринерского описания советского строя и ее реальным воплощением в действительности. Отсюда неизбежно перед реформаторами вставала гигантская задача привести в соответствие с канонической реальной моделью. Вот только масштабы этой проблемы и вытекающей из нее задачи тогда, как выяснилось, в ходе реформ не осознавали главные архитекторы Перестройки.

Перестройка начиналась как типичная реформа «сверху». С провозглашенным идеологическим мемом на строительство социализма с «человеческим лицом». На первых порах, весьма умеренные и осторожные реформы были начаты новым генсексом Михаилом Горбачевым, исходя из очевидного торможения экономики и накопившегося груза нерешенных социальных проблем. Важно отметить, что власть в лице энергичного руководителя партии и государства верно, уловила ноющий нерв негласного, но довольно массово-глухого (пока!) недовольства обществом существующим положением в стране. Первые выступления Горбачева имели невероятный успех. «Люди вновь поверили в магию власти, связав с главным охранителем устоев самые невероятные надежды» [11, С.116-117].

Отметим, Перестройка началась как довольно осторожная реформа. Однако с каждым новым ее витком она набирала скорость, увеличивая бифуркационные факторы нестабильности, вплоть до того момента, когда властная система перестала и вовсе контролировать все запущенные ею процессы в обществе. И эти процессы, где-то на рубеже пятого-шестого годов Перестройки неожиданно для ее реформаторов перешли в стадию саморазрушения и самоликвидации государства, которого они обязаны были всецело оберегать и защищать. Почему так произошло? Первопричиной (по порядковому номеру, но не по главенству) этого следовало искать в субъективном человеческом факторе. Последний надстроечный фактор, отнюдь не противоречит марксистской теории. Более того, в ней всегда признавалась активная роль надстроечных институтов, которые оказывают огромное обратное влияние на экономику (базис) и производительные силы общества [12, С.84]. Так кто был главным социальным субъектом в проведении первичных реформ? Безусловно, на эту роль претендовал сам генсек со своим ближайшим окружением и в целом партийный аппарат как политический авангард общества в «проведении экономических преобразований и развитии производительных сил в стране» [13, С.30]. Впрочем, вскоре выяснилось, что не весь верхушечный партаппарат поддерживает реформаторский курс Горбачева и его «обновленцев». И чтобы расширить социальную базу движения Перестройки, практически все трудовые коллективы были объявлены «как опорные пункты социалистической демократии» [10, С.41]. Вот только на деле они таковыми не стали. Слишком далеко в СССР зашел процесс отчуждения от власти и от собственности трудящихся масс, чтобы те стали вдруг активными субъектами. Зато наиболее активную роль в продолжении реформ стала играть творческая интеллигенция. По мнению политолога С. Кургиняна, «интеллигенция, действительно, была главной движущей силой перестройки и других перемен в СССР». При этом Кургинян подчеркивает, не созидательную, а разрушительную роль интеллигенции в реформировании страны. «В итоге интеллигенция по-

губила и страну, и себя» [14].

Особо выделим политическую фигуру главного инициатора реформ- Михаила Горбачева. Который на деле, несмотря на свою выигрышную молодость (54 года), приветливость к людям, импровизацию в речах, показал себя как слабый кризисный управленец. И это при том, что в самом начале Перестройки имел бешеную популярность в обществе, особенно в среде интеллигенции, как более искренний и живой руководитель партии и государства. Плюсом было также то, что Горбачев, в отличие от немощных своих предшественников, был человеком сверхэнергичным, таким «вулканом энергии» (по В. Медведев), который, по словам генерала КГБ, спал не больше 4-5 часов и неутомимо работал. [15, С. 208]. Впрочем, у энергичного и убежденного сторонника необходимых изменений, Горбачева, имели и личные недостатки. Американский исследователь Стивен Коткин, много лет изучавший события перестройки, все время подчеркивает, что Горбачев был неисправимым «романтиком-идеалистом», не имевшим понимания обо всей сложности советской партийно-государственной системы [16]. По мнению Стивена Коткина, именно романтический идеализм, давший простор низменному оппортунизму и затем откровенному предательству привел к саморазрушению советской системы [16, С. 185]. По словам историка А. Безбородова, перестройку усугубляло - «левацкое настроение, самонадеянность и забегание вперед»- что были характерными чертами высшего эшелона власти [17, С. 105]. К непродуманности, бюрократической поспешности реформаторов (М. Горбачева и А. Яковлева), следует добавить и отсутствие у перестройщиков какого-либо последовательного плана реформ. Только в 1987 г. Горбачев смог приблизительно сказать о ближайших (2-5 лет) и более долгосрочных сроках (16- 20 лет) проведения реформ [18, С. 251].

Проясним вопрос о первичных планах Горбачева, начавшего довольно осторожную Перестройку. Исходя из множества источников, которых мы знаем, Михаил Горбачев и его помощники не ставили вопрос о коренном изменении общественного строя в СССР. Они ставили задачу, не меняя всю конструкцию, лишь привнести в нее большее демократическое начало, устранив чрезмерный бюрократический контроль, - модель «демократического социализма». Отказаться от модели планово-государственной модели и ввести рынок – на тот момент считалось просто предательством делу социализма. Сам Горбачев искренне верил в общую идею социализма-коммунизма, призывая «вернуться к Ленину», отказавшись от зловерных сталинских пороков системы. Для этого нужно было неизбежно обновить партийно-государственный аппарат, более свежими и перспективными кадрами. Но главное, в духе того сциентистского времени – привнести в экономику научно-технологическую составляющую. В 1985-86 г. решение проблем стра-

ны, в кремлевском руководстве предполагали решить примерно в такой последовательности. Не случайно первой новацией Перестройки стало «ускорение» научно-технического прогресса и тяжелой промышленности. В высших партийных верхах были уверены в самой возможности вдохнуть гуманистическим ветром перемен в омертвевшую марксистско-ленинскую идеологию, чтобы она в свою очередь, идейно «перезарядила» всех советских граждан, превративших в типичных мещан. Зажигательность речей Горбачева и новые демократические инициативы руководства излучали мощную психоэмоциональную энергетику и позитив и в стране, и за рубежом. Очарование Горбачевым на Западе, превратила его самого в культовую фигуру для западных СМИ и западной общественности. Вот только этот зарубежный культ («горбимания»), на фоне падения его популярности в стране, самому Горбачеву оказал медвежью услугу. Он стал в какой-то степени, заложником этой западной популярности в проведении реформ в своей стране. Когда стал руководствоваться не внутриобщественными оценками своей деятельности, а западными. Несмотря на очевидную разницу геополитических интересов СССР и Запада.

Следует особо отметить, что СССР, к началу перестройки, находился на довольно высоком уровне научно-технического и социального развития, особенно по сравнению с нищим тогда Китаем. По словам историка Шубина, советское общество вышло на уровень развитого индустриального городского общества, оно подошло к грани, за которой встают принципиально новые задачи...» [19, С. 24]. И можно с уверенностью заявить, что перспективы у страны подняться на более высокий уровень материально-технического развития были большие (стратегия «ускорения»). Но только в том случае, если бы планы реформирования страны были а) хорошо продуманы, вплоть до их последствий; б) носили комплексный характер; в) проводились последовательно и неторопливо и на более длительный срок, как это произошло в Китае. Почему этого не произошло? Можно сказать, что Горбачев и другие, главные перестройщики советской общественной системы, не смогли пройти важнейший «тест» Андропова на знание как же на самом деле функционирует партийно-советская система. Иначе, Горбачев бы не стал браться торопливо «улучшать» социализм мерами, которые вели на деле к его полному антиподу – рынку, капитализму.

Роковые ошибки перестройщиков

Прежде всего, следует различать крушение партийно-государственной системы и сам распад СССР как многонационального государства. По мнению многих исследователей (Р. Пихоя, А. Шубин, Б. Кагарлицкий, А. Бугалин, Ж. Тощенко, А. Юрчак, А. Барсенков, С. Коткин и т.д.), никакой фатальной предопределенности в

распаде СССР и крахе коммунистического проекта не было. По мнению Алексея Юрчака, советская система могла бы просуществовать намного дольше, если бы Горбачев и другие реформаторы в действительности понимали, как функционирует советская идеология и партийная система в целом [20, С. 34, 251].

Определим наш взгляд, наиболее существенные ошибки Перестройки, имевшие мультипликативный эффект. Общий анализ советской партийно-государственной системы дает основание полагать: что главной силой, сохраняющей и развивающей советскую общественную систему, скрепляющей единство многонационального СССР была коммунистическая партия. Когда теряющий популярность в партии и обществе Горбачев, по подсказке либерального своего крыла в аппарате убирал из Конституции 6 статью о политической монополии КПСС (1990 г.) в стране, он вольно или невольно наносил непоправимый удар по коммунистическо-советскому строю, по всей стране в целом. Это резко укрепило центробежные тенденции, вызвав системный распад государства [21, С. 65].

Но при этом следует особо подчеркнуть, стремительно разросшийся национал-сепаратизм в союзных республиках СССР был следствием, а не причиной общего крушения СССР. Национал-сепаратизм (включая и российских национал-сепаратистов во главе с Б. Ельциным) резко возрос и стал оказывать губительное воздействие на все этажи общесоюзного государства тогда и только тогда, когда были резко ослаблены идеологические скрепы, партийные структуры, охранительные возможности силовых органов. По факту, идеология буржуазного национализма и политическая сила национальных элит в республиках СССР, добивала уже на ладан дышащее советское государство, уже утратившее и силу своего ранее могучего партаппарата и идеологию коммунистического интернационализма. Но это произошло уже в самом конце перестройки.

Пресловутый внешний фактор в крушении советской державы, как справедливо считают большинство исследователей, сыграл намного меньшую роль по сравнению с факторами внутренними.

Но недооценивать роль внешнего фактора (Запад) было бы ошибкой. США целенаправленно и довольно успешно проводила против СССР экономическую войну, используя, Саудовскую Аравию и другие арабские страны для резкого обвала мировых цен на нефть. Нефть и газ к этому времени стали критическим источником пополнения бюджета страны, несущее на себе колоссальное бремя военных расходов. Только в 1986 г. советский бюджет от падения цен на нефть потерял 5 млрд рублей. [22, С.230]. Дополнительно на бюджет давила и война в Афганистане, которая по свидетельству бывше-

го председателя правительства СССР Николая Рыжкова, обходилась стране ежегодно в несколько миллиардов рублей [22, С.234]. «Внешний фактор-Запад, -конечно же, внес свою лепту в коллапс «реального социализма», навязав гонку вооружений, поддерживая у советских руководителей, «властителей окруженной врагами крепости», ощущение неуверенности в мирном будущем, и поощряя противников и критиков режима» [23, С.805]. Но ведь это было все годы существования СССР. И даже оказавшись без больших вливаний в военный бюджет в годы перестройки нельзя было однозначно утверждать, что Советский Союз проигрывает холодную войну под воздействием Запада. Как верно указывает ранее цитируемый В. Рукавишников, «не США выиграли, а Советский Союз проиграл холодную войну!» [23, С.805] Осознание проигранной холодной войны среди руководства страны пришло, когда страна и общество коллапсировали из-за внутренних факторов.

И все-таки, главными причинами в крушении коммунистического режима и в развале СССР, на наш взгляд, явились, серия ошибок центрального руководства союзного государства, допущенные в управлении страной в острый период перестройки (1989-1991) [21, С.66]. Именно тогда уже по факту гибридная (где помимо социализма присутствовали и явно несоциалистические уклады) бюрократическая модель советского социализма вошла в фазу системного кризиса.

Но в 1986-1987 гг. ни о каком системном кризисе речи идти не могло. Хотя уже явственно обнаружилось отсутствие динамики развития страны. Отсюда начались осторожные эксперименты с введением элементов рыночных отношений в экономике страны. Вот только предоставление хозяйственной свободы государственным предприятиям (реформа 1987 г.), дала скорее обратный негативный эффект. Экономическая свобода предприятиям открыла «возможность для директоров предприятий концентрировать прибыли и ресурсы предприятия в своих руках!» [24, С.33]. Теперь директора, освободившись от жесткой государственной опеки, получили возможность практически законно использовать транспорт, оборудование и помещения, уже для своих личных целей и нужд.

К чему это все привело? «Во-первых, к снижению поступлений в госбюджет и острейшему бюджетному дефициту. Во-вторых, к разбалансированию рынка потребительских товаров. Трудовые коллективы, получив доступ к доходам предприятий, направили их не на модернизацию основных фондов производства, а на увеличение своей заработной платы (фонды экономического стимулирования)» [24, С.34]. Собственно, именно отсюда ведет свое начало ползучая инфляция и резкий рост заработной платы неподкрепленный наличными товарами и услугами. Если в 1985 г. средняя зарплата по стране

составляла 190 рублей, то в 1990 г. уже 275 рублей [25, С.272]. Образовалась своеобразная вилка: денег у населения было много, но купить на них было нечего. Важно отметить, что закон о предприятиях по факту легализовал предпринимательскую деятельность советских хозяйственных управленцев. А те в свою очередь, стали все больше превращаться в некий классовый гибрид-«бюрократ-буржуазию» с превалированием частно-корыстного интереса над общественным.

Дальше все больше рыночные отношения подрывали централизованную госсобственность. Сначала было легализовано мелкое предпринимательство (1986 г.). Затем вошел в жизнь закон о кооперации (1988), аренда на селе (1989) и наконец, закон «О собственности в СССР» (1990). Причем подавляющее большинство кооперативов создавались при государственных предприятиях. По данным экономиста Леонида Абалкина в 1990 г. 86 % действовало при госпредприятиях [26, С.249]. И вот тут сразу проявились неучтенные руководством обстоятельства. Дело в том, что с самого начала кооперативы вступили в теневые связи с руководством предприятий на обоюдовыгодных отношениях. По факту, кооперативы при поддержке директоров предприятий стали заниматься спекулятивной перепродажей государственного имущества и продукции. Сами кооперативы, тесно связанные с администрацией госпредприятий, обоюдовыгодно наживались на использовании государственных фондов и ресурсов. Буквально «высасывая из них ресурсы» [27, С.7]. При этом в явном проигрыше было само государство, вернее бюджетные государственные предприятия, на которых кооперативы просто паразитировали [24, С.37-39].

А как на это реагировало общество? Дифференцированно. Советское общество все более позитивно встречало либерально-рыночные нововведения власти (разные формы предпринимательства), но при этом резко негативно относилась к обратной стороне рыночных реформ: повышению цен, безработице, социальному неравенству и т.д. Другими словами, мечтали соединить с советским социализмом лишь глянцевою сторону капитализма. Не догадываясь, о будущей ее цене для всех.

Пока еще советская буржуазия помимо госпредприятий и кооперативов формировалась также и под прикрытием ВЛКСМ, в виде так называемых центров научно-технического творчества молодежи (НТТМ). НТТМ в рамках расширения хозяйственной инициативы талантливой молодежи, пользовались исключительным правом закупать импортное оборудование и товары, и валюту по государственным, закупочным ценам, а продавать их по свободным, коммерческим. В 1990 г. в СССР уже действовало до 600 центров НТТМ и плюс 17 тысяч молодежных кооперативов, которые объединяли 1 миллион человек [28, С.10]. Всего же в кооперативах и инди-

видуальном секторе экономике в 1990 г. было занято 3,1 млн человек [29, С.162]. Именно в валютных операциях, в рамках легальной «комсомольской экономики» (по выражению О. Крыштановской), был реализован ранний предпринимательский «талант» известного олигарха Михаила Ходорковского. Причем следует особо отметить, что легализованные партийным руководством буржуазные отношения паразитировали исключительно на государственных фондах и собственности, забирая себе с них львиную долю прибыли. При этом эффективность и польза от новой коммерческой экономики (кооперативы, центры НТТМ, индивидуалы-предприниматели, арендаторы) была крайне низкой. Она так и не смогла насытить быстрорастущий (в условиях повышения зарплат населению) потребительский рынок товарами и услугами. В то время как зарплаты у граждан резко выросли, то их везде ждали лишь пустые прилавки магазинов. Секретарь ЦК КПСС В. Медведев так описывал события в советской экономике в 1989 г: «Из свободной продажи исчезали то сахар и кондитерские изделия, то зубная паста, то мыло и стиральный порошок, то школьные тетради, то батарейки, то застёжки «молния», не говоря уж о мясе, обуви, меховых изделиях и т.д. Экономическая реформа завязла в бюрократической трясине» [30, С.103].

Раздражение от пустых прилавков и давки в очередях возбуждали у советских граждан все более открытое недовольство Перестройкой и ее главными действующими лицами. Первоначально позитивные ожидания от Перестройки, как свидетельствовали ранние социологические исследования, стали сменяться разочарованием в способности власти выполнить поставленные цели. Так социологические исследования в ноябре 1989 г. в восьми регионах СССР выявили следующие результаты: 50 % населения и что особенно поразительно 2/3 коммунистов стали отрицать наличие успехов Перестройки [31, С.6, 8]. Зато отсутствие положительных результатов Перестройки сменилось ее имитационно-игровым характером. На авансцену медийно-культурного пространства массово выдвинулись и эстрадные пародисты, осмеивавшие неприглядности «развитого социализма», а также и всевозможные экстрасенсы-целители (Кашпировский, Чумак), и прочие чудотворцы [11, С.117].

На советскую экономику весь перестроечный период сыпались один удар за другим, подрывая ее. Обвал мировых цен на нефть был настоящим ее потрясением. По подсчетам экономиста Станислава Меньшикова, только в 1986-1988 гг. СССР в результате обвала мировых цен на энергоносители потерял до 40 млрд. инвалютных рублей [32, С.308]. А тут еще не вовремя начавшаяся антиалкогольная кампания, которая привела также к миллиардным потерям для бюджета. В итоге в бюджете 1988 г. образовалась огромная дыра в 90,1 млрд. руб. [33, С.264]. И дефицит бюджета правительство пыталось восполнить масштабными заимствованиями извне. По мнению

Б. Кагарлицкого, к самому концу перестройки, только затраты на обслуживание внешнего долга достигали трети всех доходов от советского экспорта. [34, С.407].

Политическая составляющая Перестройки осуществлялась при неуклонном демонтаже партийной системы. Ведь, по мнению Стивена Коткина именно партия, а не экономика была главным объектом перестройки [16, С.37]. По словам Александра Барсенкова, стержнем перестройки была линия на «...снижение роли КПСС, отделение партийных органов от государственных и превращение именно Советов в главный властный институт» [35, С.80]. При этом все попытки партийных консерваторов, вдохновляющим рупором которых стала статья Нины Андреевой «Не могу поступаться принципами» (март 1988 г.), противостоять либерально-демократическому напору «перестройщиков» быстро пресекались на корню, с подачи главного идеолога А. Яковлева и самого Горбачева.

Все более теряющий доверие партии и населения страны Горбачев, предпринял ряд конституционных поправок, чтобы нейтрализовать сопротивляющийся ему консервативный партийный аппарат. Отныне высшим законодательным органом страны стал Съезд народных депутатов (1989 г.). Телевизионные трансляции съездов будоражили всю страну. Выступающие делегаты съезда многочасовыми речами разоблачали «преступления» ленинско-сталинских партийных деятелей. Информационный эффект таких разоблачительных выступлений был подобен заразному вирусу. По образному выражению российского писателя, «...неприятель к советской власти расползлась, точно эпидемия осеннего гриппа. Люди заражались друг от друга в метро, в кино, на собраниях, в гостях. Все, будто зачарованные, повторяли: «так жить нельзя» [36, С.160-161].

В тоже время, радикальные реформаторы, сталкиваясь с все более решительным сопротивлением, так называемых партийных «ретроградов» и «охранителей» задумали полностью отнять всю власть у партийного аппарата и передать ее Горбачеву и его сторонникам. Именно поэтому была отменена 6 статья Конституции СССР (где узаконивалась монополия КПСС в СССР). Затем состоялись явно недемократические выборы Горбачева президентом СССР на III Съезде народных депутатов (март 1990 г.). Резкое ослабление партийной вертикали власти стимулировало появление новых центров власти в союзных республиках. И в первую очередь, в РСФСР, где президентом был избран жесткий и властный Ельцин (12 июня 1991 г.), открыто соперничающий с Горбачевым. В общем итоге, общегосударственная, союзная власть в лице лично самого Президента СССР Горбачева становилась все более эфемерной. Зато вся система государственного управления была разорвана и конфликтно разбалансирована.

Таким образом, партия была не просто скрепляющей силой в советском государстве, а одновременно его головой, руками и позвоночником. Убрав партийную властную вертикаль над многонациональным государством, руководители перестройки, еще, не осознавая всех губительных последствий, запустили механизм самоликвидации всего советского государства. Зато слабостью союзного Центра сразу же воспользовались национальные элиты в союзных и автономных республиках. Они стали все более открыто приватизировать у себя собственность и даже «забывая» перечислять налоги в общесоюзный бюджет. Оставшись без партийного контроля, самоуправный «парад суверенитетов» в республиках СССР самым прямым образом хоронил экономику и разрушал целостность и единство Союза. Деструктивную роль в расколе многонациональной страны сыграло российское руководство во главе Ельциным, мечтающим о полной власти. В начавшемся с 1990 г. противостоянии с решительным Борисом Ельциным, за которым следила вся страна, более осторожный и компромиссный Горбачев полностью проиграл уже в августе 1991 г., после так называемого путча (19-21 августа).

Можно утверждать, что, начиная с 1990 г., первоначально управляемая Михаилом Горбачевым перестройка всей советской государственности, в ходе целого ряда системных ошибок, поспешных и безответственных промахов, как в политике, так и в экономике, совсем вышла из-под контроля союзного Центра. Затем все это вылилось, где-то плохо контролируемые, а где-то и прямо-таки и в революционные процессы. Причем суть этих процессов на местах проявляла себя по-разному, в зависимости от расстановки политических сил, целей и задач. В одних случаях власти национальных советских республик стремились получить лишь полный контроль над собственностью в них. В других (где были сильны идеи и традиции буржуазно-демократической государственности) и вовсе свергнуть коммунистическую власть и установить буржуазный порядок.

Острый характер борьбы за власть активно и широко масштабно развивался в медийной сфере. Это было видно по тому, как шел процесс непрерывной радикализации газетных и журнальных публикаций, вскоре вышедших из-под информационного контроля власти. Еще одна важнейшая ошибка Кремля! Начиналось все с безобидных публикаций в духе: «больше социализма»; осуждения всех форм бюрократизма и рецидивов сталинизма; затем идейно публикации уже перешли на платформу антимарксизма и антиленинизма; а заканчивалось они уже призывами уничтожения всех основ социализма, тотальным переходом к рынку и призывами уголовного преследования всех коммунистов, кэгебистов и прочее [21, С.69]. По словам авторов коллективной монографии (Шевченко В. Соколова Р., Спиридонова В.), главной мишенью информационной агрессии стал

весь Красный советский проект. Против которого велась психоисторическая война с помощью «целенаправленного воздействия на ценностные и смысложизненные ориентации советских людей» [37, С.209]. Лозунги борьбы с партбюрократизмом и всеми привилегиями советских чиновников были выгодно монополизированы той частью чиновников-демократов, которые нацелились полностью приватизировать все советское цивилизационное наследие. Именно с помощью информационной войны, достижения информационного господства в СМИ, когда-то количественно ничтожное антикоммунистическая оппозиция смогла «навязать всей стране уже капиталистическую рыночно-либеральную повестку дня и закрепить ее при пассивно-безвольном нейтралитете и почти всяком отсутствии борьбы со стороны практически разложившейся партийно-советской номенклатуры и основной массы населения, разочарованного в советско-коммунистическом проекте» [21, С.69].

Победа российских демократов во главе с решительным, властным и волевым Ельциным над пассивными и безвольными членами ГКЧП 21 августа 1991 г., отчетливо определило победу российской либеральной буржуазии и обуржуазившейся бюрократии над старой советской партноменклатурой. С этого времени судьба СССР была уже predetermined. Для всех было очевидно абсолютное бессилие союзного Центра во главе с декоративным президентом Михаилом Горбачевым, на фоне полновластных президентов союзных республик, жаждавших узаконивания своей власти. Многонациональная держава стремительно шла к роковой развязке, которая наступила в декабре 1991 г.

Заключение

Подведем итоги обеих частей исследования. Социальный опыт Перестройки хорошо продемонстрировал «разницу между планом и результатом, между обещаниями и действиями, между идеалом и действительностью...» [38, С.293]. Реформируемая сверху система в силу торопливых и непродуманных решений стала неуправляемой, изменила состав своих структурных параметров и обречена была погибнуть от рукотворного наследия недалекновидных реформаторов.

Для такой страны как СССР, важнейшей губительной мерой явилась целенаправленная атака перестройщиков на коммунистическую партию (со стороны самих партийных вождей!) и в итоге утраты монополии власти КПСС. Губительны для единой страны, оказались и по своим катастрофическим результатам реформы в экономике, что привели к полной дезорганизации всей хозяйственной системы: «государственному дефициту, вымыванию множества потребительских товаров, безудержным займам за рубежом и т.д. И следствием провальной экономической политики стал резкий рост со-

циальной напряженности, национальный сепаратизм в республиках, колебания в партийной элите и впоследствии ее полный раскол» [21, С.66]. Сначала небольшой, затем все шире и шире антисоветский радикализм масс подпитывался и нагнетался миллионными тиражами антикоммунистических газетных и журнальных публикаций и телепередач («Взгляд», «600 секунд» и т.д.), разного рода протестных движений, все расширяющимся частнособственническим укладом и т.д.

Горбачевский «демократический социализм» на деле обернулся хаосом в экономике, пустыми прилавками в магазинах, экономическими войнами союзных республик с Центром и наконец, кровавыми межнациональными конфликтами в целом ряде республик. Страна, ранее общепризнанный лидер стран социалистического содружества и донор для целого ряда стран Третьего мира к концу перестройки оказалась просто в плачевном состоянии. Тяжелое экономическое положение диктовало и по сути капитулянтскую внешнюю политику

СССР. Советский Союз уже в 1991 г. оказался зависимым от капиталистического Запада не только в финансовом, но и в политическом отношении. Судьба социалистического советского проекта после августа 1991 г. в СССР, фактически была уже предрешена. «Марксизм-ленинизм» оказался дискредитированным, и в глазах масс, и в глазах подавляющей части советской элиты. Идеино переродившаяся советская партийно-хозяйственная бюрократия отныне использовала хаос в стране, «...чтобы, конвертировав власть в собственность, примкнуть к глобальному правящему классу» [34, С.409].

Советский красный проект «почил в бозе», сначала под влиянием многолетнего разложения его властвующих структур в 60-70-80 гг., но радикально был разгромлен и добит в ходе сокрушительной горбачевской перестройки, начинавшейся под девизом «больше социализма». Такова парадоксально-анекдотическая ирония истории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Курдюмов. С.П. Симфония горения (70-79)/Мир человека: неопределенность как вызов/ Ред.- сост. М.И. Фролова. М.: ЛЕНАНД, 2019.- 520 с.
2. Лекторский В.А. Неопределенность и риск как условия человеческого бытия (80-87)/Мир человека: неопределенность как вызов/ Ред.- сост. М.И. Фролова. М.: ЛЕНАНД, 2019.- 520 с.
3. Пригожин. И., Наука, цивилизация и демократия. (43-54)/Мир человека: неопределенность как вызов/ Ред.- сост. М.И. Фролова. М.: ЛЕНАНД, 2019.- 520 с.
4. Коллинз Рэндалл. Макроистория: Очерки социологии большой длительности.- М.: УРСС: ЛЕНАНД, 2015. –544 с.
5. Малинецкий Г.Г. Синергетика и наука о человеке (88-110)/ Мир человека: неопределенность как вызов/ Ред.- сост. М.И. Фролова. М.: ЛЕНАНД, 2019.- 520 с.
6. Багатурия Г.А. К вопросу о развитии марксистской теории формационного преобразования общества (165-212)/ Социализм-21: 14 текстов постсоветской школы критического марксизма.- М., Культурная революция, 2009.- 720 с.
7. Буховец О.Г. Советское цивилизационное наследие (532-552)/Россия в многообразии цивилизаций. «Весь Мир», 2011.-896 с.
8. Кононов И.Ф. И все же – катастрофа!(22-25)/ Завершение советской эпохи: оценки с дистанции в 30 лет (круглый стол). //Социологические исследования. 2021. №12.
9. Бузгалин А.В. Социальные силы побед и поражений социализма в XX веке (56-66)// Социологические исследования. 2021. №12.
10. Ашкерев, Андрей. Нулевая сумма.-М.: Издательская группа «СКИМЕНЬ», 2011. 432 с.
11. Булдаков В.П. Quo vadis? Кризисы в России: пути переосмысления.- М.: РОССПЭН, 2007.- 204 с.
12. Островитянов К.В. Развитие Лениным экономического учения Маркса // Островитянов К.В. Избранные произведения в двух томах. Т. 1: Политическая экономия досоциалистических формаций. М.: Наука, 1972. -399 с.
13. Кирдина-Чэндлер С.Г. Несостоявшийся теоретический синтез-тормоз реальной практики (методологические заметки по поводу распада СССР) (27-36)// Социологические исследования. 2021.№12.
14. Сергей Кургинян: «Горбачев сознательно развалил КПСС и СССР!», Комсомольская правда. 03.03.2011. <https://www.kp.ru/daily/25647.4/810668/>
15. Медведев В. Человек за спиной. [Воспоминания руководителя охраны Л.И. Брежнева и М.С. Горбачева] М.: Руслит: АО «Астра семь», 1994. -314 с.
16. Коткин С. Предотвращенный Армагеддон. Распад Советского Союза. 1970- 2000. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 240 с.
17. Безбородов А.Б. Советская эпоха в истории. Исторический опыт и современность. Исследование и документы/ А.Б. Безбородов.- М.: Политическая энциклопедия, 2017. 439 с.
18. В Политбюро ЦК КПСС...: По записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985-1991) / Сост. А. Черняев (рук. проекта), А. Вебер, В. Медведев; Горбачев-Фонд. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2006. – 784 с.
19. Шубин Александр. Современный российский капитализм и советская традиция. СССР:— М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. — 304 с <https://www.litmir.me/br/?b=218411&p=1>
20. Юрчак, А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. 4-е изд.- М.: Новое литературное обозрение, 2019. 604 с.
21. Бакланов В.И. Кризис и крах марксистско-индустриальной вотчинно-государственной системы в СССР (55-72)/Современная научная мысль. № 4. 2013.

22. Рыжков Н.И. Перестройка. История предательств. М.: Новости. 1992. 400 с.
23. Рукавишников В.О. Холодная война, холодный мир. Общественное мнение в США и Европе о СССР/России, внешней политике и безопасности Запада.-М.: Академический Проект, 2005. 896 с.
24. Лебский М.А. Новый русский капитализм: От зарождения до кризиса (1986- 2018 гг.). М.: ЛЕНАНД, 2019. С. 200 с.
25. Островский А.В. Глупость или измена? Расследование гибели СССР. М.: Крымский мост 9-Д.- ФОРУМ. 2011. 864.
26. Абалкин Л. Неиспользованный шанс. Полтора года в правительстве. М. Политиздат. 1991.- 304 с.
27. Тощенко Ж. Т. Была ли рукотворной геополитическая катастрофа СССР? (3-13)// Социологические исследования. 2021. №8.
28. Крыштановская О. Бизнес-элита и олигархи: итоги десятилетия (3-60) // Мир России. 2002. Т.И, № 4.
29. Материалы делегату XVIII съезда КПСС/ Коммунистическая партия Советского Союза. -М.,- 1990.368 с.
30. Медведев В. В команде Горбачева. Взгляд изнутри. М: Былина. 1994.- 365 с.
31. Политическое сознание трудящихся в условиях перестройки и ускорения социально-экономического развития / Ред. кол. Ж.Т. Тощенко, В.А. Щегорцов, А.И. Яковлев. М.: АОН при ЦК КПСС, 1989.107 с.
32. Меньшиков Станислав. Советская экономика: катастрофа или катарсис?-М.: Интер-Версо, 1990. 397 с.
33. Гайдар Егор. Гибель империи. Уроки для современной России. 2-е изд. Исправ. Доп. М.РОССПЭН. 2007.448 с.
34. Кагарлицкий Б.Ю. Периферийная империя: Россия и миросистема. Изд. 3-е, испр. И доп. М.: «ЛИБРОКОМ», 2012.456 с.
35. Барсенков А.С. Динамика государственно-политического развития СССР в 1985-1991 гг. и ее итоги//Распад СССР: дискуссии о причинах, обстоятельствах и последствиях: сб. ст.- М.: Институт российской истории РАН: Центр гуманитарных инициатив. 2019.-224 с.
36. Поляков Ю. М. Любовь в эпоху перемен: [роман].- М. АСТ. 2015.- 512 с.
37. Шевченко. В.Н., Соколова Р.И., Спиридонова В.И. Современные проблемы российского государства. Философские очерки.- М.: Прогресс-Традиция, 2015.- 464 с.
38. Херц. Г. Человеческое поведение в социальных системах. Синергетика как эвристика.(274-293)/ Мир человека: неопределенность как вызов/ Ред.- сост. М.И. Фролова. М.: ЛЕНАНД, 2019.- 520 с.

© Бакланов Вячеслав Иванович (VIBaklanov@fa.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

